This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Книгоиздательство „СОТРУДНИЧЕСТВО".

300

И. Николаевъ.

Что такое Конституція?

Цѣна 10 коп.

С.-Петербургъ. 1907 г.

Книгоиздательство „СОТРУДНИЧЕСТВО“

К. Николаевъ

Что такое Конституція?

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Фридберга, Б. Сампсоніевскій пр., 62.
1907.

Есть очень хорошая книжка, написанная знаменитымъ общественнымъ дѣятелемъ, Фердинандомъ Лассалемъ. Лассаль жилъ въ нѣмецкомъ королевствѣ Пруссіи, лѣтъ 50 тому назадъ. Называется книжка: „О сущности конституціи“, или проще: „Что такое конституція?“ Хотя книжка написана давно, но до сихъ поръ является одной изъ лучшихъ по вопросу о государственныхъ порядкахъ и законахъ. Одного только не хватаетъ въ книжкѣ: она мало понятна простому неподготовленному читателю изъ народа. Между тѣмъ русскій народъ переживаетъ теперь такое время, когда о государственныхъ порядкахъ приходится задумываться каждому, гдѣ бы онъ ни жилъ, какого бы состоянія ни былъ, къ какому бы сословію ни принадлежалъ. Мы и предлагаемъ въ настоящей книжкѣ то самое, что сказано Лассалемъ, только въ болѣе простыхъ, понятныхъ для каждаго, словахъ.

Лассаль, какъ мы сказали, жилъ въ Пруссіи, и свои сочиненія писалъ для нѣмцевъ. Это не помѣшаетъ намъ примѣнить его слова и къ русскимъ порядкамъ, такъ какъ наше теперешнее положеніе во многомъ похоже на то, какое было въ Пруссіи лѣтъ 50 тому назадъ.

Въ то время въ Пруссіи, какъ теперь у насъ, нѣмец-

кій народъ только еще начиналъ жить новою жизнью. Рядомъ со старымъ самодержавнымъ правительствомъ, послѣ сильныхъ волненій въ народѣ, появилось народное представительство. Но на первыхъ порахъ тамошнимъ народнымъ представителямъ было очень трудно бороться со старымъ правительствомъ. Съ министрами происходили ссоры и несогласія и всякій разъ побѣда оставалась за правительствомъ, которое распоряжалось въ странѣ по своей волѣ, какъ въ то время, когда у нѣмцевъ и народнаго представительства еще не было. Получалось что то двуликое: какъ будто и новые порядки завелись, какъ будто и измѣненій никакихъ не было; какъ будто появилось народное представительство, и въ то же время оставалось самодержавіе. Старый и новый порядокъ то и дѣло сталкивались и депутаты чувствовали себя очень скверно. Вотъ и обратились нѣмцы къ Лассалю за совѣтомъ, какъ имъ быть, чтобы сдѣлать власть палаты народныхъ представителей выше власти министровъ, чтобы тѣ не своевольничали, и не распоряжались безъ позволенія палаты.

Лассаль былъ человѣкъ ученый, даровитый, очень горячій, и правительство прусское терпѣть не могъ. Онъ всегда стоялъ на сторонѣ простого, рабочаго народа, ясно видѣлъ его угнетеніе и больше всего старался о томъ, какъ бы растолковать народу способы избавленія отъ угнетателей. Лассаль училъ, что первымъ дѣломъ народа должно быть измѣненіе государственнаго строя, чтобы въ государственныхъ дѣлахъ народъ былъ самъ себѣ хозяинъ и господинъ,

чтобы никакая власть въ государствѣ не могла дѣйствовать безъ воли народа, и не имѣла бы никакого источника помимо народа. Говоря коротко, Лассаль считалъ, что для народа необходимъ государственный строй, именуемый демократической республикой. И та книжка, въ которой говорится о конституціи, написана для того, чтобы объяснить, какимъ образомъ народъ могъ бы добиться выгоднаго для себя государственнаго устройства. Ниже мы и приводимъ эти разъясненія Лассаля.

I.

Въ настоящее время, говорилъ Лассаль, о конституціи говорятъ чуть не всѣ, съ ранняго утра и до поздняго вечера. О ней и въ газетахъ постоянно пишутъ и въ трактирахъ разговариваютъ. Спрашивается, что же такое конституція? Если мы обратимся съ этимъ вопросомъ къ человѣку, который всю свою жизнь только тѣмъ и занимается, что изучаетъ разные законы и уставы, или, какъ говорятъ, къ юристу, то онъ намъ отвѣтитъ, примѣрно, вотъ что: конституція есть клятвенный уговоръ, который установилъ государь съ народомъ, насчетъ того, кто и какъ долженъ издавать законы, управлять страной.

Если же рѣчь идетъ о республикѣ, гдѣ мѣсто наслѣдственнаго государя занимаетъ выборное лицо—президентъ, то нашъ юристъ скажетъ такъ: конституція есть основной законъ, который опредѣляетъ

или указываетъ, каковы должны быть всѣ остальн
законы въ странѣ. Но такіе отвѣты мало объясняю
намъ то, что намъ хочется знать. Эти отвѣты го
рятъ только о томъ, что конституціей называется,
чему она служитъ; намъ же хочется уяснить се
самую суть конституціи, или, какъ бы сказать, ея ду
Изъ отвѣтовъ юриста мы узнали, что конституц
есть не просто законъ, а основной законъ. И с
часъ же у насъ является новый вопросъ: какая
разница между тѣмъ и другимъ? Что такое про
законъ и основной законъ? Попробуемъ остановит
ненадолго на этой разницѣ въ словахъ; быть мож
мы поймемъ то, что намъ нужно, если не вполнѣ,
хотя отчасти. Слово „основной", показываетъ,
это долженъ быть самый главный законъ, котор
долженъ служить для всѣхъ остальныхъ законо
вродѣ какъ фундаментъ для дома, главнымъ ихъ ос
ваніемъ. И мы знаемъ еще, что во всякомъ госуд
ствѣ постоянно происходитъ измѣненіе въ законах
одни изъ нихъ отмѣняются, другіе вводятся вно
Но всѣ эти измѣненія дѣлаются такъ, чтобы не
рушить главный, основной законъ. Если же кто
будь вздумаетъ измѣнить основной законъ, то на
нается смута въ народѣ. Стало быть, между прост
закономъ и основнымъ есть большая разница. Но е
мы и поняли эту разницу, для насъ остается всетак
неяснымъ самое главное, самое важное, такое,
лежитъ еще глубже и остается для великаго мно
ства людей чѣмъ то таинственнымъ; является во р
а откуда же берется этотъ основной законъ? Н

нъ составляется? И отчего такая большая разница между основными законами разныхъ странъ? Почему основной законъ въ Англіи непохожъ на основной законъ въ Пруссіи?

Вотъ, если мы сумѣемъ найти отвѣтъ на этотъ вопросъ, тогда поймемъ, въ чемъ состоитъ главная суть конституціи.

Оставимъ на минуту человѣческое общество и обратимся къ нѣкоторымъ явленіямъ природы. Ученые узнали, напримѣръ, что земля шарообразна, и что шаръ земной не виситъ неподвижно въ пространствѣ, а постоянно движется, дѣлая огромный круговой путь вокругъ солнца въ теченіе года. Это движеніе земли вокругъ солнца совершается искони вѣковъ съ одной и той же скоростью, на одномъ и томъ же разстояніи. Узнали ученые и то, что круговое движеніе земли происходитъ отъ солнечнаго притяженія; если бы солнце не притягивало къ себѣ землю, то земля двигалась бы по прямой линіи. Чтобы сдвинуть ее съ этой линіи, нужна посторонняя сила; эта сила есть у солнца; солнце вѣчно тянетъ землю къ себѣ, а земля вѣчно стремится пойти по прямой линіи; солнце сдвигаетъ землю съ этой линіи и въ концѣ концовъ совершается движеніе по кругу. И не можетъ земля ни приблизиться къ солнцу, ни удалиться отъ него; ни пойти быстрѣе или медленнѣе, ибо движеніе это управляется дѣйствіемъ двухъ силъ: силою солнечнаго притяженія и силою кругового бѣга земли, которая вѣчно стремится сойти съ круга и пойти по прямой линіи. Такимъ образомъ, выходитъ, что въ основѣ движенія земли заклю-

чаются двѣ силы природы. Онѣ опредѣляютъ движеніе и управляютъ имъ. Движеніе является такимъ, а не инымъ, только потому, что имъ управляютъ такія, а не иныя, силы

Вродѣ того же происходитъ и въ человѣческомъ обществѣ. Подобно тому, какъ въ основѣ движенія земли лежатъ силы природы, такъ въ основѣ человѣческихъ законовъ лежатъ общественныя силы людей. И каковы будутъ эти силы, и какъ онѣ сложатся, таковы будутъ и законы. Чтобы хорошенько это понять, мы представимъ себѣ какой нибудь подходящій случай изъ государственной жизни людей.

Какъ извѣстно, всякій законъ сначала пишется, а потомъ печатается. Написанное хранится въ архивѣ, а напечатанное разсылается по странѣ для руководства судьямъ и разнымъ должностнымъ лицамъ. Теперь представимъ себѣ, что въ странѣ случился огромный пожаръ, который уничтожилъ всѣ законы и писанные и печатные, такъ что не сохранилось ни одной строки.

Такъ какъ никакая страна не можетъ существовать безъ законовъ, то придется составить новые. Посмотримъ теперь, можно ли вмѣсто старыхъ законовъ написать какіе угодно законы?

Вотъ собрались люди и сказали: наши законы погибли; составимъ новые. Въ старыхъ законахъ было много такого, чего мы не хотѣли. Пусть теперь недостатокъ этотъ будетъ исправленъ. Положимъ, далѣе, что люди сказали бы: не дадимъ такой власти государю, какой онъ до сихъ поръ пользовался, даже

не дадимъ ему никакой власти. А государь на это отвѣтитъ вотъ что: что жъ, пишите законы, какіе вамъ угодно; я и самъ знаю, что старыхъ законовъ уже нѣтъ. Но вы забыли, что не смотря на это, у меня много войска, которое мнѣ во всемъ повинуется, у меня есть крѣпости, пушки, военные корабли. И такъ какъ это — большая сила, то я опираюсь на эту силу и не хочу занимать иного положенія, чѣмъ занималъ до сихъ поръ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что государь со своей арміей является одной изъ общественныхъ силъ, дѣйствующихъ при составленіи законовъ. Но государь здѣсь не единственная сила; есть и другія, кромѣ него.

Предположимъ, что люди, которые собрались написать новые законы, сказали бы: не хотимъ, чтобы надъ нами властвовали знатные господа — высшее дворянство; насъ цѣлые десятки милліоновъ, а ихъ небольшая горсточка, и эта горсточка нами командуетъ: она засѣдаетъ въ Государственномъ Совѣтѣ и мѣшаетъ работать нашей Думѣ. Не хотимъ чтобы господа надъ нами командовали. Что же выйдетъ? Уступятъ ли дворяне? Правда, своего войска у дворянъ нѣтъ, зато оно есть у государя. А дворяне всегда были отъ государя не далеко, издавна водили съ нимъ компанію, не то что простой народъ, который къ нему и на глаза не пускаютъ. И дворяне сумѣютъ воспользоваться своею близостью къ государю; при первой же надобности они получатъ къ своимъ услугамъ войско, какъ будто бы оно было ихъ собственное.

Значитъ, и дворянство есть сила, которая не допу-

стить невыгодныхъ для себя законовъ, оно всегд будетъ тянуть на свою сторону, и въ законахъ, кот рые будутъ составлены, ихъ сила непремѣнно ск жется.

Теперь представимъ себѣ, что государь, вмѣстѣ с дворянами уговорились бы уничтожить всѣ фабрики заводы и вздумали бы издать законъ, по которому всяк издѣлія приготовлялись бы мелкими ремесленникам

Что бы тогда вышло?

Всѣ фабриканты и заводчики закрыли бы свои фабри и заводы; желѣзныя дороги остановились бы; сотни т сячъ рабочихъ людей остались бы безъ хлѣба, и раз мѣется, по всѣмъ городамъ пошелъ бы такой бунт съ которымъ не справилась бы никакая армія. Э бунтующую массу стали бы поддерживать тѣ сам фабриканты, которые должны были прекратить рабо фабрикъ. Значитъ, тѣ, кто живетъ отъ фабрикъ и з водовъ, составляютъ въ наше время силу не мен государя и дворянства. Эта общественная сила дѣ ствуетъ при составленіи законовъ въ свою пользу, чѣмъ крупнѣе будетъ эта сила, тѣмъ больше выго добьется она отъ новыхъ законовъ.

При составленіи новыхъ законовъ нельзя забыть о крупныхъ денежныхъ богачахъ—банкирахъ. Въ нас дни правительству часто приходится дѣлать такіе огро ные расходы, что оказывается нехватка въ деньгах тогда обращаются къ банкирамъ за помощью. Ба киры охотно помогаютъ казнѣ, ссужаютъ ей день за хорошіе проценты, а владѣя деньгами, они имѣю въ своихъ рукахъ такую крупную силу, что въ случ

ставленія законовъ, могутъ выговорить себѣ довольно
упныя льготы.

Предположимъ еще, что государь, дворяне и всѣ
упные богачи захотѣли бы вернуть крѣпостное
аво. Если бы они это только попробовали, то на-
лся бы всенародный бунтъ, усмирить который было
еще труднѣе, чѣмъ справиться съ городскими ра-
чими. Значитъ, и народъ есть сила, дѣйствующая при
ставленіи законовъ. Наконецъ, представимъ себѣ, что
авительство захотѣло бы издать законъ, по которому,
къ въ Китаѣ, за преступленіе сына наказывали бы
ца. Противъ такого закона возмутилась бы человѣ-
ская совѣсть и граждане отказались бы ему подчи-
ться.

Что же мы узнали?

При составленіи законовъ дѣло рѣшаютъ тѣ силы,
торыя имѣются въ обществѣ. Каждая такая сила
нетъ на свою сторону, и всѣ общественныя силы
гупаютъ между собою въ борьбу. Эта борьба мо-
тъ окончиться по разному, смотря по тому, каковы
дутъ силы и какъ онѣ сложатся для борьбы — кто
кѣмъ и противъ кого. Словомъ, законы будутъ та-
, каковъ будетъ составъ общественныхъ силъ.
отъ составъ, или, какъ говоритъ Лассаль, соотно-
ніе общественныхъ силъ, и есть та главная суть,
, какъ бы сказать, душа конституціи, которую мы
тѣли понять въ началѣ нашей бесѣды, и которая ле-
тъ въ основѣ всѣхъ законовъ страны.

Итакъ, замѣтимъ себѣ и запомнимъ, что сущность
нституціи нѣмецкой, французской или какой угодно

другой, есть ничто иное, какъ составъ общественныхъ силъ.

А то, что выйдетъ изъ борьбы общественныхъ силъ, то, чѣмъ эта борьба кончится, будетъ записано на бумагѣ, и будетъ этотъ кусокъ бумаги называться основнымъ закономъ или писанною конституціей, которой всѣ подданные должны присягнуть и подчиниться. И если кто вздумаетъ нарушить уже записанный законъ, тотъ наказывается.

Теперь посмотримъ, какимъ способомъ записывается на бумагѣ составъ общественныхъ силъ, какъ стараются эти силы закрѣпить въ законѣ свое выгодное положеніе. Это дѣлается иной разъ такимъ хитроумнымъ способомъ, что непривычному человѣку и въ голову не придетъ, какая скрывается иногда тайна въ написанныхъ на бумагѣ словахъ.

Если, напримѣръ, хотятъ сказать въ законѣ, что небольшая кучка дворянъ имѣетъ въ государствѣ столько же власти, какъ и всѣ остальные граждане, то рядомъ съ палатой народныхъ преставителей (Думой) будетъ поставлена другая высшая палата, палата господъ, и будетъ сказано въ законѣ, что ни одно постановленіе палаты народныхъ представителей не можетъ имѣть силы безъ согласія палаты господъ.

Если захотятъ установить такой порядокъ, чтобы крупные купцы, фабриканты и заводчики имѣли столько же власти, какъ всѣ работники—фабричные и крестьяне, то это запишутъ въ законѣ особеннымъ образомъ.

Въ Пруссіи, напр., былъ изданъ въ свое время за-

конъ, насчетъ того, кто и какъ долженъ участвовать въ выборахъ депутатовъ въ Думу. По этому закону всѣ граждане государства раздѣлялись на три части: первую составляли самые крупные богачи, которые платили самые крупные прямые налоги; во вторую группу входили граждане средняго достатка, плательщики среднихъ налоговъ; и, наконецъ, третью группу составляли бѣдняки, которые или совсѣмъ не платили прямыхъ налоговъ или платили ихъ очень мало. Нечего и говорить, что богатыхъ, какъ вездѣ и всегда, оказалось въ Пруссіи немного; больше оказалось людей средняго достатка, а еще больше бѣдняковъ.

Не смотря, однако, на это, каждая группа выбирала одинаковое число выборщиковъ.

Что же выходило изъ такого закона?

Въ 1849 г. богат. гражд. въ Пруссіи было		153.808	(изб.)
„ „ „ средн. достат.	„ „	409.945	„
„ „ „ бѣдняковъ	„ „	2.601.950	„

Если же 153.808 избирателей избирали столько же выборщиковъ, какъ 2.601.950 бѣдняковъ, то это означаетъ, что одинъ богатый имѣетъ на выборахъ въ 17 разъ больше силы, ибо у него въ 17 разъ больше голосовъ, чѣмъ у избирателя 3-ей группы *).

*) Этотъ явно несправедливый законъ, введенный въ Пруссіи въ 1849 г. временно, существуетъ и до сихъ поръ. Въ настоящее время несправедливость его даже увеличилась: голосъ одного богатаго избирателя, изъ перваго класса вѣситъ столько же, сколько 25 голосовъ бѣдняковъ изъ 3-го класса. (Рус. Бог., май 1906).

Такъ закрѣпила въ законѣ одна изъ общественныхъ силъ свои выгоды. Возьмемъ еще примѣръ. Если хотятъ, чтобы государь имѣлъ больше власти, чѣмъ всѣ остальные граждане вмѣстѣ, то въ законѣ этого не напишутъ открыто и прямо, а сдѣлаютъ по другому. Въ законѣ будетъ сказано, что государь имѣетъ въ полномъ своемъ распоряженіи всѣ военныя силы страны, а народные представители, т. е. уполномоченные того самаго народа, который даетъ для войска своихъ сыновей, который кормитъ и одѣваетъ армію, который готовитъ на заводахъ всѣ военные припасы, депутаты этого самаго народа вмѣшиваться въ дѣла арміи не имѣютъ никакого права. И выйдетъ, что армія будетъ служить не народу, а государю, который можетъ двинуть ее на усмиреніе своего же народа въ любую минуту.

Теперь, когда мы узнали, въ чемъ состоитъ суть всякой конституціи, когда мы узнали, что въ основѣ всѣхъ законовъ лежатъ общественныя силы людей, мы уже безъ труда можемъ догадаться, что нужно было бы сдѣлать для того, чтобы измѣнить существующіе законы; и если законы измѣнились такъ, какъ мы хотѣли, то какъ сохранить ихъ въ цѣлости и заставить правительство строго имъ подчиняться? Мы можемъ измѣнить законы только тогда, если намъ удастся измѣнить составъ существующихъ общественныхъ силъ и сохранить этотъ новый составъ на будущее время. Тогда и законы можно исправить, чтобы они отвѣчали новому составу общественныхъ силъ, а правительство

должно будетъ ихъ строго исполнять, ибо къ этому могутъ его принудить общественныя силы.

Какъ же можно измѣнить составъ общественныхъ силъ къ выгодѣ народа?

Въ Пруссіи былъ для этого подходящій случай.

Въ 1848 году въ разныхъ государствахъ шла усиленная борьба между народами и правительствами. Граждане выступали противъ правительствъ, чтобы завоевать себѣ новыя права.

Въ мартѣ 1848 года эта борьба дошла въ Пруссіи до послѣдней крайности; въ городѣ Берлинѣ, столицѣ Пруссіи, происходили вооруженныя схватки между войсками и народомъ; и такое было ожесточеніе народа, что армія была побѣждена, и народъ остался хозяиномъ столицы. Что же нужно было сдѣлать, чтобы эта побѣда народа была для него полезна? Нужно было ее за народомъ упрочить. Прежде всего нужно было взять въ свои руки армію, смѣстить всѣхъ офицеровъ, повыгнать генераловъ и выбрать на ихъ мѣсто новыхъ, изъ своихъ. Нужно было провести немедленно законъ о сокращеніи срока военной службы до полугода, такъ какъ шесть мѣсяцевъ вполнѣ достаточно, чтобы изучить всю солдатскую науку. Кромѣ того, шесть мѣсяцевъ — такой срокъ, что начальники не успѣютъ выбить изъ солдата человѣческую душу: солдата не такъ легко послать тогда на войну съ своими братьями, какъ это дѣлается теперь, когда каждый солдатъ обращается въ Каина. Кромѣ этихъ перемѣнъ въ арміи, нужно было овладѣть еще пушками,

такъ какъ это тоже могло бы составить порядочную силу при составленіи новыхъ законовъ.

Но ничего этого сдѣлано не было. Люди, побѣдившіе армію, не позаботились о сохраненіи за собой дѣйствительной, истинной силы. Вмѣсто того они бросились писать новые законы, думая въ невѣдѣніи своемъ, что если въ ихъ рукахъ будетъ лишній исписанный кусокъ бумаги, то будутъ и права. А пока писали новые законы, королевская армія оправилась отъ пораженія, собралась съ силами и вновь взяла городъ и стала въ немъ хозяиномъ. Слуги государя оказались въ этомъ случаѣ догадливѣе тогдашнихъ руководителей народа. Какъ только сила оказалась на ихъ сторонѣ, они прежде всего взялись не законы прописывать, а отбирать оружіе у гражданъ. Другими словами, государевы слуги позаботились прежде всего о томъ, чтобы сохранить за собою дѣйствительную силу. Послѣ того, потихоньку да полегоньку у народа отняли всѣ тѣ права, которыхъ онъ добился въ своей борьбѣ за свободу.

Это намъ нужно хорошенько запомнить, чтобы знать какая разница между конституціей дѣйствительной и конституціей писанной; дѣйствительная конституція,—это—составъ общественныхъ силъ; писанная конституція, это—не болѣе какъ кусокъ бумаги, который можетъ сдѣлаться прочнымъ закономъ только тогда, когда для защиты этого закона въ народѣ есть дѣйствительная сила. И до тѣхъ поръ, пока не произошло измѣненія въ составѣ общественныхъ силъ, до тѣхъ поръ и законы останутся старые; и въ измѣненіи ихъ

не будетъ никакой пользы. Всякое измѣненіе писанныхъ законовъ будетъ только на словахъ, а на дѣлѣ останутся старые законы, тѣ, которые отвѣчаютъ существующимъ общественнымъ силамъ. Вотъ что нужно понять и хорошенько запомнить.

II.

Съ тѣхъ поръ, какъ Фердинандъ Лассаль сдѣлалъ свои первыя разъясненія о конституціи, прошло полгода. За это время въ Пруссіи самымъ важнымъ событіемъ для нѣмцевъ была новая ссора палаты народныхъ представителей съ министрами. А поссорились изъ за денегъ на армію и на другіе государственные расходы. Правительство установило тяжелые налоги, а народные представители хотѣли ихъ уменьшить и уничтожить нѣкоторые безполезные расходы. Много было разговоровъ объ этомъ у палаты съ правительствомъ, много хлопотали депутаты, чтобы на своемъ поставить, но ничего не могли сдѣлать. Правительство не обращало вниманія на палату и собирало налоги такъ, какъ будто никакого народнаго представительства не было. Когда же депутаты начали особенно громко указывать правительству на его беззаконіе, то государь повелѣлъ распустить несговорчивую Думу и назначить новые выборы. Пришлось депутатамъ возвращаться домой, ничего не добившись.

И во все время новыхъ выборовъ нѣмцы снова обратились къ Лассалю за совѣтомъ, что имъ дѣлать, чтобы заставить правительство подчиниться палатѣ депутатовъ.

Нужно вспомнить, говоритъ Лассаль, то, что говорилось въ прошлый разъ о конституціи. Нужно хорошенько уяснить себѣ разницу между конституціей писанной и конституціей дѣйствительной. Въ нашей писанной конституціи говорится, что у Думы есть полное и безспорное право отвергать или принимать государственный бюджетъ, т. е. годовую роспись доходовъ и расходовъ. А правительство совсѣмъ не хочетъ съ этимъ считаться: оно само составляетъ смѣту и собираетъ подати безъ согласія палаты. Оно самовольно увеличиваетъ армію, закупаетъ оружіе для того, чтобы держать въ повиновеніи народъ. Мало того: правительство заявляетъ, что оно будетъ такъ дѣйствовать и въ будущемъ. Государственный Совѣтъ становится на сторону министровъ и утверждаетъ расходы, отвергнутые Думой. Словомъ, въ законѣ написано одно, а на дѣлѣ совершается другое. А все почему? Потому что составъ общественныхъ силъ не таковъ, чтобы защитить попираемые законы. Эти законы были написаны въ то время, когда дѣйствительная сила была еще на сторонѣ народа, когда мощь народа чувствовалась на каждомъ шагу. И если теперь нарушаются государственные основные законы, если нарушается писанная конституція, то это происходитъ отъ того, что произошло измѣненіе въ дѣйствительной конституціи, т. е. въ составѣ общественныхъ силъ. Если же измѣнилась дѣйствительная конституція, то писанная уже не удержится, какъ объ этомъ бы ни старались. Ясное дѣло, что возстановленіе нарушенныхъ законовъ есть только одно сред-

тво: нужно снова измѣнить составъ общественныхъ силъ. И до тѣхъ поръ, пока не произошло такого измѣненія, никакими способами дѣлу помочь нельзя.

Посмотримъ, напримѣръ, можно ли принудить правительство исполнять законы, отказавшись отъ уплаты податей.

Если бы дѣло было въ Англіи, то нечего и говорить, что отказомъ въ уплатѣ податей можно было бы очень скоро заставить правительство поступать согласно волѣ народа. У насъ же этого нельзя. Почему же происходитъ такая разница? Почему то, что возможно въ Англіи, невозможно у насъ? Вотъ тутъ то и сказывается разница между конституціей дѣйствительной и писанной. Посмотримъ, какъ пойдетъ дѣло въ Англіи, если палата не утвердила смѣты (бюджета), а правительство хочетъ непремѣнно ее выполнить и собрать налоги, въ которыхъ отказала палата.

Приходитъ время перваго взноса и ко мнѣ является англійскій сборщикъ податей и хочетъ взыскать налогъ. Я знаю, что народные представители не утвердили бюджета, и на этомъ основаніи выталкиваю сборщика за дверь. Меня отдаютъ подъ судъ. Но англійскій судья оправдываетъ меня, или даже высказываетъ мнѣ еще похвалу за то, что я не потерпѣлъ беззаконнаго насилія. Сборщикъ является вторично, съ солдатами. Я продолжаю сопротивляться, собираю своихъ друзей, и мы дѣйствуемъ противъ солдатъ вмѣстѣ. Положимъ, что солдаты при этомъ стрѣляютъ, ранятъ и убиваютъ кого-нибудь изъ моихъ друзей. Я отдаю ихъ подъ

судъ, такъ какъ въ Англіи никто не можетъ избѣжать суда за противозаконный поступокъ, хотя бы и по приказанію начальства. Тамъ солдатъ не можетъ сказать: я стрѣлялъ въ народъ по приказанію офицера. Ему скажутъ, что, не смотря ни на какія распоряженія начальства, онъ долженъ былъ исполнять законъ, ибо это святыня, которая должна стоять выше всякаго начальства, и никакая власть на землѣ не можетъ приказывать совершать беззаконія. Если же солдатъ стрѣлялъ и убилъ человѣка, то его судятъ и приговариваютъ къ смертной казни за убійство. Но положимъ обратное: положимъ, что когда на меня нападали солдаты, я отвѣтилъ оружіемъ и нѣсколько человѣкъ переранилъ и убилъ. Меня отдаютъ подъ судъ. Но судъ оправдываетъ меня, ибо я сопротивлялся беззаконному насилію. Какая же сила у англійскаго правительства заставить народъ подчиняться незаконнымъ распоряженіямъ правительства? У насъ въ этомъ ему помогла бы армія. А въ Англіи и на армію надежды мало, такъ какъ по англійскимъ законамъ расходы на армію разрѣшаются народными представителями, и при томъ не болѣе, какъ на одинъ годъ. Каждый годъ испрашиваютъ у Думы (по англійски—Парламента) разрѣшеніе на эти расходы, и здѣсь опредѣляютъ, сколько солдатъ нужно содержать въ теченіе года. Если же расходы не утверждены Парламентомъ, то, разумѣется, кормить солдатъ и платить жалованье имъ и офицерамъ будетъ нечѣмъ. Солдаты не станутъ служить правительству и разойдутся по домамъ. Вотъ такіе законы и дѣлаютъ народъ сильнѣе правительства и никакой министръ ничего не

можетъ подѣлать безъ воли народа. И въ Англіи такого сбора податей, какой мы сейчасъ предположили, на самомъ дѣлѣ никогда не бываетъ, да и быть не можетъ. Нечего и говорить, что такихъ порядковъ добились англичане не сразу; много было народныхъ волненій изъ за введенія такихъ порядковъ; много народныхъ борцовъ и вождей положили въ этой борьбѣ свои головы. Были времена, когда добытыя народомъ права старались у него отнять; были короли, которые разгоняли парламентъ и собирали подати безъ согласія народныхъ представителей. Но въ концѣ концовъ народъ остался побѣдителемъ и короли, пытавшіеся нарушить англійскія вольности, жестоко за это расплачивались: они теряли при этомъ престолъ, а не то— и голову. Такимъ то вотъ способомъ и утвердился въ Англіи порядокъ, который дѣлаетъ народныхъ представителей хозяиномъ страны, а министры только до тѣхъ поръ и могутъ быть на службѣ, пока желаютъ народные представители. И такой порядокъ въ Англіи существуетъ только, потому что его поддерживаетъ составъ общественныхъ силъ.

Посмотримъ теперь, какъ пойдетъ дѣло со сборомъ податей у насъ. Положимъ, Дума не утвердила бюджета и отказала правительству въ налогахъ. Правительство собираетъ налоги по старому. Положимъ, что я вытолкалъ сборщика податей. Меня отдаютъ подъ судъ, и судьи приговариваютъ меня къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія за сопротивленіе властямъ. Если произойдетъ столкновеніе съ солдатами, которые стрѣляютъ въ меня и въ моихъ дру-

зей, ранятъ и убиваютъ кого-нибудь, то ни одна душа не можетъ привлечь этихъ солдатъ и этого сборщика къ суду, ибо они дѣйствовали по приказанію начальства. Если же я самъ стрѣлялъ въ солдатъ, ранилъ и убилъ нѣсколькихъ изъ нихъ, то меня отдаютъ подъ судъ, приговариваютъ къ смертной казни и казнятъ. Вѣрнымъ помощникомъ правительства въ его незаконныхъ дѣйствіяхъ является войско, на которое денегъ не спрашиваютъ у палаты каждый годъ и численность арміи увеличивается по произволу правительства. Вотъ какая разница существуетъ между англійскими порядками и нашими. А все почему? Потому что таковъ составъ общественныхъ силъ.

Какъ же быть съ нашимъ правительствомъ? Какъ заставить его слушаться народныхъ предствителей? Есть одно средство, которое можетъ оказаться очень дѣйствительнымъ даже въ такой странѣ, какъ наша. Первое, что нужно сдѣлать, это заявить открыто, что у насъ на дѣлѣ совершается совсѣмъ не то, что слѣдуетъ по закону, что порядки совсѣмъ не тѣ, какихъ желаетъ народъ, что у насъ ничто не перемѣнилось, все осталось по старому. Въ старину у насъ было самодержавіе. Такой порядокъ могъ существовать до тѣхъ поръ, пока это допускала жизнь, т. е. тѣ силы, которыя были въ обществѣ. Но пришло время, когда общественныя силы измѣнились на столько, что старый порядокъ не могъ болѣе держаться. И стало всякому ясно, что порядки нужно измѣнить въ корнѣ. И чѣмъ дальше, тѣмъ настойчивѣе требуютъ люди новыхъ порядковъ. Наступаетъ день, когда самодержавіе

должно уступить народнымъ требованіямъ и отказаться отъ власти. Но не такъ смотритъ на дѣло оно само. Самодержавіе хочетъ существовать, чего бы это ни стоило. Но такъ какъ положеніе сильно измѣнилось, то жить по старому становится не легко. Чтобы сохранить въ цѣлости свою власть, самодержавію нужно держать наготовѣ огромную армію для борьбы съ врагами, какъ въ какой-нибудь завоеванной непріятельской странѣ. Но, какъ сказалъ одинъ важный сановникъ: „на штыки опираться еще можно, но совсѣмъ уже сѣсть на нихъ нельзя, ибо легко уколоться". Вотъ и придумали не штыками дѣйствовать, а совсѣмъ инымъ способомъ. Придумали обманъ, который состоитъ въ томъ, чтобы старый домъ выкрасить новою краской и выдать его за новый.

Рѣшили учредить народное представительство. Пусть съѣдутся депутаты въ столицу, думаетъ старое правительство, пусть разсуждаютъ о государственныхъ дѣлахъ, какъ имъ понравится, а мы будемъ работать по старому. То, что постановитъ Дума, мы разберемъ: что подойдетъ къ нашимъ собственнымъ видамъ, мы исполнимъ, а не подходящее оставимъ на бумагѣ, благо — бумага терпѣлива. А въ странѣ будутъ въ это время думать по другому. Если заговорить съ какимъ-нибудь простакомъ изъ народа (такихъ вѣдь у насъ много), онъ навѣрное скажетъ: Какъ же! у насъ уже теперь не тѣ порядки, какъ въ старину: и у насъ есть Дума, какъ въ другихъ просвѣщенныхъ странахъ, теперь уже намъ нечего добиваться: слава Богу, и у насъ есть защитники и ходатаи, которые за насъ по-

стоятъ. Такія мысли будутъ высказывать многіе люди, а правительству только того и надо: оно только и думаетъ, чтобы какъ нибудь, хоть не надолго, усыпить народъ, чтобы протянуть подольше свое существованіе, ибо правительство всегда боялось и боится народа гораздо больше, чѣмъ его представителей.

Если же найдутся люди, которые поймутъ всю эту хитрость (такихъ теперь тоже не мало), если будутъ толковать народу, что это совсѣмъ не то, что ему нужно, то такихъ людей можно совсѣмъ не бояться: ихъ можно прямо объявить бунтовщиками, которые только и дѣлаютъ, что народъ мутятъ. Про такихъ людей можно будетъ сказать: вотъ видите: мы все сдѣлали, что нужно для блага народа; мы учредили Думу, которая разсуждаетъ о государственныхъ дѣлахъ. Что-жъ еще нужно? А смутьяны были и будутъ и мы должны ихъ уничтожать для сохраненія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія.

Вотъ и выходитъ, что теперешнее народное представительство есть только одинъ обманъ: оно служитъ не къ пользѣ народа, а къ выгодѣ самодержавія: оно усыпляетъ народъ и помогаетъ правительственнымъ чиновникамъ хозяйничать и своевольничать, какъ будто бы не было никакой Думы.

Теперь ясно, что должны дѣлать народные представители въ своей борьбѣ съ самодержавнымъ правительствомъ. Первая ихъ задача состоитъ въ томъ, чтобы предъ глазами всего народа раскрыть этотъ правительственный обманъ, снять съ глазъ народа ту паутину, которую ему налѣпило правительство; разъ-

яснить, что въ дѣлахъ своихъ правительство не считается съ законами, что оно собираетъ подати, которые не разрѣшены народными представителями, что оно на каждомъ шагу нарушаетъ конституцію, и что конца этимъ нарушеніямъ не видно, что оно разогнало Думу изъ за того, что не могло сговориться съ депутатами насчетъ бюджета.

Вмѣстѣ съ этими разъясненіями народные представители должны заявить еще вотъ что: такъ какъ правительство не желаетъ считаться съ постановленіями народныхъ представителей, такъ какъ оно расходуетъ народныя деньги безъ разрѣшенія Думы; такъ какъ подобная конституція есть обманъ; такъ какъ народнымъ избранникамъ работать при такихъ порядкахъ непристойно, потому что это значило бы обманывать вмѣстѣ съ правительствомъ народъ; то все это заставляетъ насъ прекратить засѣданія до тѣхъ поръ, пока правительство не вспомнитъ о законѣ и не прекратитъ расходовъ отвергнутыхъ Думой.

Если это будетъ сдѣлано, то что же останется дѣлать правительству? Оно должно будетъ или уступить или не уступить; если оно не уступитъ, то это будетъ обозначать, что у насъ осталось самодержавіе безъ всякихъ перемѣнъ. А такъ какъ составъ общественныхъ силъ теперь уже не такой, какъ въ старину, то и самодержавіе въ такомъ откровенномъ видѣ удержаться не можетъ. Потому то оно вѣдь и держится, что люди думаютъ будто его нѣтъ, будто у насъ на самомъ дѣлѣ государственныя дѣла рѣшаются Думой.

Если же раскрыть этотъ обманъ, то старое правительство никакъ удержаться не можетъ, народъ не потерпитъ старыхъ порядковъ, такъ какъ не то уже время. Теперь нѣтъ ни одной просвѣщенной страны въ мірѣ, гдѣ бы не было народнаго представительства. А если вездѣ существуютъ палаты, значитъ онѣ необходимы. Ужъ на что знаменитъ своимъ произволомъ Наполеонъ, а и онъ не могъ обойтись безъ парламента, хотя бы только для виду.

И наше правительсто учредило Думу только для виду. Если же Дума прекратитъ свои засѣданія, то у насъ и видимость народнаго представительства исчезнетъ. Правительство само не выдержитъ такого положенія и волей неволей должно подчиниться палатѣ. Тогда палата будетъ господиномъ и полнымъ хозяиномъ всего дѣла и установитъ правильный ходъ государственной жизни.

III.

Вотъ что совѣтовалъ сдѣлать Лассаль для того, чтобы борьба народныхъ представителей съ старымъ правительствомъ была успѣшной. Мы просимъ читателя вспомнить, что все, что до сихъ поръ разсказано, происходило въ Пруссіи около 50 лѣтъ тому назадъ. Но измѣняются времена, измѣняются люди, измѣняются и способы, которыми добиваются люди своихъ правъ. Мы не знаемъ, что сказалъ бы Лассаль нашимъ народнымъ представителямъ, если бы онъ жилъ въ наше время, такъ какъ то, что было хорошо въ одной странѣ,

можетъ оказаться негоднымъ въ другой, что было полезно вчера, ни къ чему не поведетъ сегодня. Но какъ бы ни была велика разница между Русской землей въ настоящее время и Прусскимъ королевствомъ 50 лѣтъ тому назадъ, все же разъясненія Лассаля о конституціи могутъ научитъ насъ многому.

Было когда то на Руси крѣпостное право. Дворяне-помѣщики владѣли не только землей, но и людьми, сидѣвшими на этой землѣ. Разсказывать объ этихъ порядкахъ теперь много не приходится, такъ какъ они достаточно хорошо извѣстны русскому народу. Мы только напомнимъ лишній разъ читателю, что уничтоженіе крѣпостного права, освобожденіе крестьянъ отъ господъ произошло не по доброй волѣ правительства, не по добросердечію императора Александра II-го, а совсѣмъ по другой причинѣ. Главная же причина состоитъ въ томъ, что къ 1861 году сильно измѣнился прежній составъ общественныхъ силъ Россіи.

Какъ же и почему произошло такое измѣненіе?

Въ старинныя времена крѣпостного права каждое отдѣльное хорошо устроенное барское хозяйство жило совершенно особнякомъ, вполнѣ независимою жизнью отъ другихъ такихъ же хозяйствъ. Все, что нужно было барину для жизни, онъ получалъ отъ своего хозяйства. У него была и провизія и прислуга и разные мастера: плотники, портные, сапожники, кузнецы; даже музыканты были изъ своихъ крѣпостныхъ. Самое главное отличіе такого хозяйства отъ хозяйства нашего времени состоитъ въ томъ, что хозяева очень мало нуждаются въ деньгахъ. Покупать почти ничего

не приходится, ибо все имѣется въ своемъ собственномъ хозяйствѣ. Продавать тоже приходилось мало, ибо какъ продать то, что есть у сосѣда и у каждаго другого хозяина? И не только помѣщики, дворяне, но и все остальное населеніе жило такою же независимою отъ другихъ хозяйствъ жизнью: у каждаго было все свое. Крестьянину не приходилось, напримѣръ, покупать ни ситцу на рубаху, ни керосину, ни спичекъ: вмѣсто покупного ситца былъ домотканный холстъ; вмѣсто керосина—своя собственная, ни у кого не купленная лучина; вмѣсто спичекъ—кусокъ стали, трутъ и кремень. Такое хозяйство, когда все, что нужно человѣку, онъ получаетъ у себя дома, не прибѣгая къ покупкѣ, называется въ наукѣ натуральнымъ хозяйствомъ, въ отличіе отъ нынѣшняго денежнаго хозяйства, когда человѣку приходится покупать всякую мелочь.

Было бы долгс разсказывать когда, какъ и почему натуральное хозяйство перешло въ денежное. Мы укажемъ только, что такое измѣненіе должно было когда нибудь произойти: никакъ нельзя было обойтись людямъ хотя бы безъ самаго слабаго обмѣна своими трудами или вещами, и обмѣнъ этотъ, въ началѣ очень слабый, постепенно все усиливался и незамѣтно измѣнилъ кореннымъ образомъ весь хозяйственный порядокъ у людей; вмѣсто того, чтобы какъ въ старину, изготовлять большую часть вещей у себя дома и для себя,—и только въ рѣдкихъ случаяхъ добывать нужное на сторонѣ, теперь люди большую часть времени работаютъ на другихъ, большую частъ вещей приго-

товляютъ для продажи, и очень малую часть изготовляютъ для себя.

Это измѣненіе одного хозяйственнаго порядка на другой сильно подвинулось уже къ 1861 году. Въ странѣ были разныя фабрики и заводы, шла довольно бойкая торговля между людьми, городъ обмѣнивался товарами съ деревней, а дворяне-помѣщики уже продавали много русскаго хлѣба за границу.

И какъ только натуральное хозяйство сильно измѣнилось на денежное, такъ и началъ шататься старинный крѣпостной строй. Въ старинныя времена натуральнаго хозяйства, когда купля-продажа была ничтожна и люди не нуждались въ деньгахъ, помѣщики не гнались за тѣмъ, чтобы получить съ своего хозяйства какъ можно больше прибыли. Старались достать только то, что нужно было для себя. Поэтому и земля, которая принадлежала помѣщику, не имѣла для него большой цѣны; для него имѣлъ цѣну только трудъ, безъ котораго никакая земля ничего не давала. Поэтому въ тѣ времена, когда хотѣли указать на богатство какого нибудь барина, то не говорили, что у него столько то десятинъ земли, а говорили: у него столько-то душъ крестьянъ.

Если случался хорошій урожай, то хлѣбъ оставался дома и хранился въ амбарахъ на случай голоднаго года, когда помѣщики должны были помогать крестьянамъ въ нуждѣ. Самое главное, что для насъ нужно здѣсь замѣтить, это то, что крестьянскій трудъ на помѣщика былъ даровымъ. Земля, которая была въ пользованіи крестьянъ, какъ и всякая другая, не имѣла

никакой цѣнности. Тогда и не слыхивали, что для
купки участка нужно имѣть порядочныя деньги, р
лей 100-150 по разсчету на каждую десятину. Вѣд
въ наши времена, совсѣмъ недавно, были случаи
купки земли въ вѣчное владѣніе по 3-4 руб. за де
тину. Въ старину десятина была еще дешевле.

Совсѣмъ другія времена настали, когда усилила
между людьми купля-продажа. Теперь всякую мѣ
ржи можно было продать, всякую штуку холста об
тить въ деньги. А какъ только деньги получили си
въ хозяйствѣ, такъ и земля получила извѣстную ц
ность. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше и боль
хлѣба поступало въ продажу, тѣмъ дороже становила
земля, которая давала этотъ хлѣбъ, тѣмъ доро
становился для помѣщика трудъ крестьянина, хо
онъ по виду и оставался даровымъ. Съ этого време
и начинаются притѣсненія и насилія помѣщиковъ. О
всячески стараются выжать изъ крестьянина все, ч
только можно: увеличиваютъ оброкъ, число дней ба
щины, а надѣлы крестьянскіе урѣзываютъ. И все
тому, что въ хозяйствѣ получили силу деньги, в
потому, что всякое добро можно было сдѣлать то
ромъ и обратить въ деньги, а деньги можно бы
наживать и копить безъ всякаго предѣла.

Вотъ такимъ то образомъ и создалось то невы
симое положеніе, при которомъ пошли крестьянс
бунты и волненія. И людямъ, которые умѣли заг
дывать въ будущее, было ясно видно, что крѣпост
право должно быть уничтожено, что удержаться о
ни въ какомъ случаѣ не можетъ; что чѣмъ дальш

тѣмъ больше будутъ помѣщики притѣснять крестьянъ, работы будутъ взваливать безъ всякаго предѣла, надѣлы крестьянскіе будутъ все болѣе урѣзывать. Такъ должно было быть, потому что земля становилась все дороже, что хлѣбъ не оставался дома, а пускался въ продажу. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. И чѣмъ дальше, тѣмъ вражда между крестьянами и помѣщиками становилась острѣе. Стали уже кое гдѣ сжигать помѣщичьи усадьбы, убивать помѣщиковъ и ихъ управляющихъ.

И вотъ господа начинаютъ подумывать, что не худо бы какъ-нибудь съ крестьянами развязаться. Работа ихъ становится дорогой и даже убыточной, а ладить съ ними, жить въ согласіи— невозможно.

Такимъ образомъ, первое, что мы узнали насчетъ крѣпостного права, это то, что крѣпостное право должно было пасть вслѣдствіе того, что натуральное хозяйство измѣнилось на денежное. Объ уничтоженіи крѣпостного права стали говорить даже сами помѣщики, тѣ, которые были поумнѣе.

Сильно мѣшало крѣпостное право и тогдашнимъ фабрикантамъ и заводчикамъ. Хотя въ то время фабрикъ и заводовъ было меньше, чѣмъ теперь, все же ихъ было порядочно, а работы на нихъ шли плохо; не доставало свободныхъ рабочихъ, многіе были изъ крѣпостныхъ, которыхъ баринъ во всякую минуту могъ потребовать къ себѣ домой. Знали фабриканты и то, что свободный человѣкъ работаетъ куда охотнѣе крѣпостного; и работа свободнаго человѣка во много разъ выгоднѣе работы крѣпостного. Вотъ и думаютъ

фабриканты съ заводчиками: если бы рабочіе были людьми свободными, наши фабрики и заводы давали бы больше дохода. А свободныхъ рабочихъ иначе нельзя достать, какъ только уничтоживъ крѣпостное право.

Мы нашли, значитъ, двѣ общественныя силы, которыя стояли за уничтоженіе крѣпостного права: это дворяне-помѣщики, тѣ, что были подогадливѣе, и промышленники.

Третьей общественной силой, стоявшей за освобожденіе крестьянъ, была такъ называемая интеллигенція, т. е. тѣ изъ образованныхъ людей, которые главнымъ дѣломъ своей жизни считаютъ освобожденіе народа отъ всѣхъ цѣпей, которыми онъ окутанъ съ давнихъ временъ и отъ которыхъ не освободился окончательно еще и до сихъ поръ. Интеллигенція работала больше словомъ: разъясняла въ книгахъ и газетахъ, какъ слѣдуетъ провести освобожденіе, чтобы не закабалить народъ по новому способу. Изъ такихъ людей самымъ горячимъ защитникомъ народа, борцомъ за его освобожденіе, былъ знаменитый русскій писатель, Николай Гавриловичъ Чернышевскій. Онъ много работалъ въ пользу крестьянъ и послѣ освобожденія, за что и пришлось ему сильно пострадать: онъ былъ сосланъ въ Сибирь, въ каторжныя работы на 20 лѣтъ. Работа интеллигенціи принесла много пользы при освобожденіи и хотя все вышло далеко не такъ, какъ хотѣли народные защитники, все же дѣло ихъ не пропало.

Наконецъ, объ освобожденіи крестьянъ стало поду-

мывать и правительство, не потому, чтобы оно жалѣло крестьянъ, а изъ за необходимости покончить со старымъ порядкомъ. Какъ разъ къ тому времени случилась Крымская война, въ которой русская армія была разбита, флотъ уничтоженъ, а крѣпость Севастополь взята непріятелемъ. Послѣ такой неудачной войны стали особенно громко говорить о крѣпостномъ правѣ. Стало всѣмъ ясно, что для защиты государства прежде всего необходимо уничтожить крѣпостное право. Люди поняли, что для того, чтобы съ успѣхомъ воевать, нужны, между прочимъ, хорошіе пути сообщенія, нужны желѣзныя дороги. Для желѣзныхъ дорогъ необходимы желѣзодѣлательные, сталелитейные, машиностроительные заводы. А для заводовъ нужны свободные рабочіе. Нужно было ввести переустройство въ арміи; ввести всеобщую воинскую повинность, а этого опять нельзя было сдѣлать, когда народъ былъ въ рабствѣ у господъ, когда каждый баринъ старался сдать въ солдаты самыхъ негодныхъ изъ своихъ людей, а то и совсѣмъ не давать. Словомъ, какую бы сторону жизни ни брали, вездѣ крѣпостное право являлось преградой, которая мѣшала всякому улучшенію народной и государственной жизни.

Кромѣ опасности отъ внѣшнихъ враговъ, правительство видѣло и внутреннюю опасность отъ крѣпостного права. Народныя волненія все усиливались. Приходилось усмирять народъ военной силой. А уже давно извѣстно, что если дѣло дошло до вооруженнаго усмиренія, значитъ положеніе очень плохо. Правительство хорошо понимало, что держать постоянно

военные отряды по деревнямъ оно не можетъ, что и солдаты могутъ, наконецъ, возмутиться, когда хорошо поймутъ за кого и противъ кого они воюютъ. Стало-правительство разъяснять господамъ, что крестьянъ придется отпустить на волю. Что крѣпостное право становится опаснымъ для самихъ же господъ. Тѣмъ изъ дворянъ, которые этого не понимали, самъ царь растолковалъ, что лучше освободить крестьянъ сверху, чѣмъ ждать того времени, когда они сами начнутъ освобождаться снизу.

Такъ, мало по малу, главныя общественныя силы, бывшія въ то время въ Россіи, стали стремиться къ тому, какъ бы измѣнить старые порядки на новые.

Мы знаемъ, какъ прошло освобожденіе, знаемъ въ какую кабалу попало крестьянство съ выкупомъ; намъ остается только замѣтить, что иначе не могло и быть. Какъ должно было дѣйствовать правительство при освобожденіи крестьянъ? Если бы оно освободило ихъ совсѣмъ безъ земли, вышелъ бы крестьянскій повсемѣстный бунтъ; если бы оно отобрало у господъ земли въ пользу крестьянъ безъ выкупа, то вышло бы возмущеніе среди помѣщиковъ. Рѣшеніе вышло среднее: крестьяне получили не всю землю, какою они пользовались при господахъ, а только часть ея; помѣщики получили за отошедшую къ крестьянамъ землю выкупъ по такой цѣнѣ, какой не стоила отошедшая отъ нихъ земля.

Когда плыветъ по рѣкѣ барка, и вѣтромъ ее прибиваетъ къ правому берегу, а теченіемъ относитъ

къ лѣвому, то барка подъ дѣйствіемъ этихъ двухъ силъ пойдетъ приблизительно по срединѣ.

Крестьянское освобожденіе прошло не такъ, какъ того хотѣли правые, т. е. дворянство, и не такъ, какъ стремились провести ее лѣвые, т. е. крестьянство и интеллигенція. Реформа прошла посрединѣ, или лучше сказать, ближе къ тому, какъ хотѣли правые, потому что на ихъ сторонѣ было много больше силы, чѣмъ на сторонѣ лѣвыхъ.

IV.

Прошло слишкомъ 40 лѣтъ со дня освобожденія крестьянъ, и вмѣсто стараго крѣпостного права въ Русской землѣ расцвѣло пышнымъ цвѣтомъ новое. Разница только въ томъ, что прежде въ рабствѣ былъ крестьянскій рабочій людъ, а господами были дворяне-помѣщики, теперь же на мѣстѣ крестьянства оказалось все русское населеніе, а на мѣстѣ прежнихъ господъ дворянъ—самодержавное правительство. И какъ прежде всякій помѣщикъ былъ господиномъ имущества, жизни и смерти своихъ крестьянъ, такъ теперь самодержавное правительство сдѣлалось господиномъ имущества, жизни и смерти всѣхъ гражданъ. Но крѣпостное право должно было рано или поздно пасть; то же должно случиться и съ самодержавіемъ. Какъ одинъ порядокъ существовалъ, пока это допускали общественныя силы, такъ отъ состава тѣхъ же силъ зависитъ сохраненіе или паденіе самодержавія. Что бы лучше это понять, нужно разсмотрѣть поближе, что такое самодержавіе, въ чемъ была его

сила, и почему должно оно пасть, уступая мѣсто другому, новому порядку.

Всякое правительство, во всѣхъ странахъ и во всѣ времена старается о выгодахъ того сословія, изъ котораго оно вышло. Если правительство состоитъ изъ крупныхъ дворянъ, то оно будетъ издавать законы и устанавливать порядки такіе, чтобы доставить какъ можно больше выгодъ дворянству. Будь правительство изъ крупныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ, оно постарается установить порядки, выгодные для владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ. Если правятъ страной и тѣ и другіе, то и порядки заведутъ выгодные и тѣмъ и другимъ. Но на словахъ правительство всегда увѣряетъ, что оно старается о благѣ всѣхъ подданныхъ, о благополучіи всего государства, не взирая на сословія. Такъ всегда говорило русское самодержавное правительство, на дѣлѣ же было совсѣмъ не то, что на словахъ. Русское правительство—это правительство дворянское. Всѣ его члены—министры, сенаторы или члены Государственнаго Совѣта либо сами крупные дворяне-землевладѣльцы, либо дворянскіе ставленники. Легко догадаться, какъ будетъ вести государственныя дѣла такое правительство. При освобожденіи крестьянъ, напр., только о томъ и думали, какъ бы не обидѣть дворянъ, какъ бы не ввести ихъ въ убытки; поэтому крестьянская реформа прошла съ урѣзками крестьянской земли въ пользу помѣщиковъ и съ выкупомъ, который превышалъ стоимость отошедшей къ крестьянамъ земли. Эти двѣ вещи—урѣзка крестьянской земли и выкупные пла-

тежи составили очень прочный фундаментъ народнаго разоренія. Можно было наперед предсказать, что какъ бы мужикъ ни старался, какъ бы ни ухаживалъ за своей землею, какъ бы ни поливалъ ее своимъ трудовымъ потомъ, а по міру онъ пойдетъ непремѣнно. Такъ оно и случилось, и не могло не случиться, потому что для самодержавнаго правительства крестьянское благополучіе никакой заботы не составляетъ. Правительство думаетъ только о томъ, какъ бы собрать въ казну побольше дохода, а чтобы увеличить народный доходъ, поправить крестьянское хозяйство, объ этомъ заботы у насъ нѣтъ. Напротивъ, начальство даже считаетъ такъ, что бѣдный народъ долженъ быть смирнѣе, и начальству съ такимъ народомъ спокойнѣе. Одинъ изъ министровъ императора Николая I-го, графъ Канкринъ, говорилъ, что улучшать народное благосостояніе не нужно, ибо „съ жиру собака бѣсится“. Вотъ какъ понимаетъ правительство народную нужду. Послѣ крестьянскаго освобожденія заботились больше о дворянахъ землевладѣльцахъ да о промышленникахъ-фабрикантахъ и заводчикахъ. Чтобы русскіе фабриканты могли получать хорошую прибыль, установили высокія пошлины на иностранные товары. Этимъ закрыли доступъ въ Россію дешевымъ и хорошимъ товарамъ, и русскіе покупатели стали получать отъ своихъ соотечественниковъ товары дорогіе и негодные. Ясное дѣло, что такой порядокъ велъ къ дальнѣйшему обѣднѣнію народа, а несправедливая раскладка податей доканчивала ту машину, которая годъ за годомъ, въ теченіе 40 слиш-

комъ лѣтъ повыкачала изъ народа все, что только было возможно. Устроивши такіе несправедливые порядки, при которыхъ богатымъ и сильнымъ доставались всѣ блага жизни, а бѣднымъ и слабымъ не оставалось ничего, кромѣ тяжелой работы, русское правительство позаботилось о томъ, какъ бы народъ не понялъ, откуда идетъ его разореніе, какъ бы не потребовалъ измѣненія государственнаго порядка, какъ бы не захотѣлъ самъ участвовать въ государственныхъ дѣлахъ. Чтобы этого не случилось, стали слѣдить, какъ бы среди простого народа не распространилось образованіе, какъ бы не пошли къ нему знающіе люди и не растолковали ему, гдѣ заключается корень зла. И вмѣсто того, чтобы строить новыя школы и увеличивать старыя, строили дома для тюремнаго заключенія, увеличивали армію полицейскихъ, для того, чтобы слѣдить за крамольниками и отправлять ихъ во время въ тюрьму или въ ссылку. Народная темнота еще болѣе увеличивала разореніе, годъ за годомъ росло число недовольныхъ порядками, годъ за годомъ приходилось увеличивать надзоръ за народомъ, увеличивать расходы, которые приносили народу одинъ вредъ. И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ глубже и глубже погружалось русское царство въ невылазное болото. Одна бѣда вела за собой другую. Народное бѣдствіе вело къ возмущенію, а чтобы не вышло возмущенія, увеличивали полицію; чтобы увеличить полицію, нужны были деньги, и чтобы достать деньги, нужно увеличить подати, т. е. усилить недовольство еще болѣе. И вотъ пришло такое время, когда рус-

скому правительству стало трудно сводить концы съ концами. На расходы не хватало доходовъ; народъ отказывался платить подати, и накоплялъ огромныя недоимки. Для того, чтобы заставить крестьянъ платить исправно, все было пущено въ ходъ, за недоимки продавали имущество, не плательщиковъ пороли розгами, а недоимки все росли. И вмѣсто того, чтобы сократить, лишніе никому ненужные расходы или поправить народное хозяйство для увеличенія народнаго дохода, самодержавное правительство по прежнему вело дѣла разорительнымъ для народа способомъ, о сокращеніи расходовъ и не думало, а когда оказались нехватки въ деньгахъ, стало дѣлать займы у крупнѣйшихъ богачей, больше иностранныхъ. Но по займамъ приходилось платить, а платить было не изъ чего; тогда стали дѣлать новые займы для того, чтобы оплачивать старые. И такъ мало по малу русскій государственный долгъ сдѣлался такимъ огромнымъ, какъ нигдѣ въ мірѣ; онъ превысилъ уже 8 милліардовъ рублей и скоро доберется до 9 (милліардъ— тысяча милліоновъ). Это такой огромный долгъ, что не хватаетъ уже средствъ для уплаты процентовъ, и приходилось дѣлать займы для платежа процентовъ. Такъ одинъ заемъ неизбѣжно вызывалъ за собой другой, а этотъ другой вызывалъ третій, причемъ размѣры ихъ становились все больше, а проценты все выше и выше. Гдѣ же всему этому конецъ?

Когда спускаются съ горы съ тяжелымъ возомъ, то стараются задержать лошадей въ самомъ началѣ спуска. Иначе можетъ случиться несчастье: возъ, чѣмъ ниже

по горѣ, тѣмъ быстрѣе будетъ двигаться, и, наконецъ, получитъ такую скорость, что можетъ опрокинуться, задавить лошадей и перепортить товары. А если на возу сидитъ и провожатый, то и онъ можетъ сломить себѣ голову.

Такъ и съ русскимъ самодержавіемъ. Когда то оно стояло высоко и прочно. Сосѣднимъ народамъ оно внушало страхъ и трепетъ, а внутри было настолько грозно, что подданные чувствовали себя настоящими рабами. Но пришло время и самодержавіе пошатнулось. Оно было сильно только до тѣхъ поръ, пока въ странѣ было рѣдкое населеніе, когда народъ жилъ натуральнымъ хозяйствомъ, когда не было ни такихъ большихъ городовъ, какъ теперь, ни такого большого числа фабрикъ съ заводами, ни пароходовъ, ни желѣзныхъ дорогъ. Когда населеніе не то что было необразованно, а почти поголовно безграмотно. Когда же хозяйственная жизнь людей измѣнилась, когда люди стали разумнѣе и просвѣщеннѣе, тогда пошло самодержавіе подъ гору и покатилось чѣмъ ниже, тѣмъ быстрѣе. Простому человѣку, пожалуй, трудно сразу понять, какъ же это фабрики съ заводами или желѣзныя дороги или народное просвѣщеніе оказались для самодержавія вредными. Въ чемъ же былъ этотъ вредъ? Больше всего принесло вреда самодержавію измѣненіе въ составѣ рабочаго народа. За 45 лѣтъ послѣ крестьянскаго освобожденія множество народа переселилось въ города, чтобы здѣсь поискать того счастья, котораго не было въ деревнѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше становилось на Руси городского рабочаго люда, и, нако-

нецъ, городской рабочій становится довольно крупной общественной силой. Если человѣку, живущему въ деревнѣ, очень трудно получить свѣтъ образованія, то городскому человѣку сдѣлать это гораздо легче. Чѣмъ больше скоплялось въ городахъ рабочаго народа, тѣмъ больше чувствовали они свою силу, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ становились они просвѣщеннѣе. Постоянная работа вмѣстѣ со своими товарищами, заставляла рабочихъ присматриваться другъ къ другу и смотрѣть на себя какъ бы на одну семью. А такъ какъ жизнь городского рабочаго человѣка мало чѣмъ отличилась отъ каторжной, то понятно, что въ разныхъ городахъ и въ разное время, но все чаще и чаще происходили рабочія волненія. Вотъ тутъ то и узнали рабочіе, что такое самодержавіе.

Чтобы добиться лучшей доли, рабочимъ необходимо дѣйствовать сообща. За границей устраиваются для этого рабочіе союзы. У насъ союзовъ устраивать нельзя, ибо по закону рабочіе лишены права союзовъ. Чтобы добиться этого права, нужно было сговориться, что и какъ дѣлать, обсудить вопросъ въ собраніяхъ и путемъ печати, при помощи газетъ. За границей такъ и дѣлаютъ, всѣ нужды обсуждаютъ и устно и печатно. У насъ это запрещено, такъ какъ по закону граждане не имѣютъ ни права собраній, ни свободы слова. Когда въ какомъ нибудь иностранномъ государствѣ рабочіе заспорятъ съ хозяевами и захотятъ добиться своего, они устраиваютъ стачку, т. е. бросаютъ работу, пока хозяева не исполнятъ требованія. У насъ за стачки рабочихъ привлекаютъ къ уголов-

ной отвѣтственности. Даже если и волненій никакихъ нѣтъ, а начальство почему нибудь обезпокоено, какъ бы чего не вышло, или просто начальникъ пожелаетъ выслужиться, начинаютъ выслѣживать и хватать какъ будто подозрительныхъ людей и сажать въ тюрьмы. У насъ въ тюрьму или ссылку можно попасть безъ всякаго суда, часто бываетъ, что совсѣмъ невинный человѣкъ, который и не думаетъ учинять какого нибудь бунта, идетъ въ ссылку въ Архангельскую, Вологодскую или другую какую сѣверную губернію, а то и въ Сибирь. Если за стачки подвергаютъ уголовному преслѣдованію, то значитъ у насъ нѣтъ, какъ въ другихъ странахъ, свободы стачекъ; если каждаго обывателя могутъ, когда угодно, схватить и отправить въ тюрьму или ссылку безъ суда, то это значитъ, что у насъ нѣтъ неприкосновенности личности. Словомъ, вся жизнь рабочаго человѣка въ такихъ тискахъ, что податься ему некуда. Шагу ступить нельзя, чтобы на тебя не крикнули: „нельзя," „недозволено", „запрещено". И стали понимать рабочіе, что имъ во что бы то ни стало нужно добиться слѣдующихъ правъ: свободы слова и печати, собраній, союзовъ, неприкосновенности личности, свободы стачекъ. И мало того, что добиться, но еще позаботиться о томъ, чтобы правительство впослѣдствіи не вздумало нарушить этихъ правъ: чтобы въ случаѣ надобности можно было привлечь къ суду виновныхъ. То есть, кромѣ только что указанныхъ свободъ, необходимо было завести порядокъ, при которомъ министры были бы отвѣтственны передъ народомъ; а отвѣтственность министровъ мо-

жѣтъ быть только тогда, когда въ странѣ будетъ введено народное представительство. Такъ, мало по малу въ своихъ заботахъ о домашней жизни, о заработкѣ, о насущномъ хлѣбѣ, рабочіе научались понимать, что ихъ домашняя жизнь тѣсно связана съ государственнымъ устройствомъ, что до тѣхъ поръ, пока у рабочаго человѣка не будетъ гражданскихъ и политическихъ правъ, т. е. тѣхъ, которыя только что были указаны, до тѣхъ поръ объ избавленіи отъ каторжной жизни ему нечего и думать. Что прежде всего нужно добиться отмѣны самодержавія и введенія народнаго представительства. Пока рабочихъ было немного по городамъ, а образованія никакого у нихъ не было, до тѣхъ поръ они и не могли ничего сдѣлать, да и не знали толкомъ, гдѣ ихъ бѣда и какъ за нее приняться. Теперь же совсѣмъ не то: рабочаго народа по городамъ стало такъ много, что само правительство признаетъ за рабочими крупную силу. Сами же рабочіе все больше это чувствуютъ и хорошо понимаютъ, что сами они, т. е. вся ихъ рабочая армія никогда не можетъ мирно ужиться съ самодержавіемъ, что городской рабочій народъ и самодержавное правленіе—это двѣ силы, столь же мало родственныя и столь же плохіе другъ для друга сосѣди, какъ, напримѣръ, огонь и ледъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что за 45 лѣтъ послѣ паденія крѣпостного права выросла на Руси новая общественная сила, городской рабочій народъ, который по самой своей природѣ, по самому своему положенію, есть непримиримый противникъ самодержавнаго строя.

Но въ наше время не можетъ найти самодержавіе поддержки и у крестьянъ. За 45 лѣтъ послѣ освобожденія крестьянство разорилось въ конецъ и поправить свое положеніе, до тѣхъ поръ, пока существуетъ старый порядокъ, оно ни какъ не можетъ. Здѣсь самодержавіе является для крестьянъ тѣмъ же, чѣмъ и для рабочихъ—главнымъ препятствіемъ на пути къ благосостоянію, и это не трудно понять, почему.

Крестьянство разорилось больше всего отъ малоземелья и отъ несправедливой раскладки налоговъ. Чтобы поставить крестьянъ на ноги, нужно сдѣлать общій передѣлъ земель и ввести коренныя перемѣны въ раскладкѣ налоговъ, чтобы на богатыхъ людей падало больше, на бѣдныхъ меньше. Спрашивается: можетъ ли когда нибудь самодержавное дворянское правительство согласиться на общій передѣлъ земель, на увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія? Т. е. можетъ ли оно согласиться отнять землю у самаго себя? Ясное дѣло, что нѣтъ. Сначала крестьяне этого не понимали, все надѣялись, что вотъ-вотъ выйдетъ указъ объ отходѣ земли къ крестьянамъ. Теперь же и имъ стало ясно, что до тѣхъ поръ, пока существуетъ старый порядокъ, до тѣхъ поръ на счетъ земли перемѣнъ никакихъ ждать нечего; что для того, чтобы получить землю, нужно получить власть, ибо никто не можетъ издать закона о землѣ, выгоднаго для народа, кромѣ него самого. И чѣмъ дальше подвигалось время, тѣмъ яснѣе становилась для крестьянъ самая тѣсная связь между ихъ хозяйственнымъ положеніемъ, ихъ благосостояніемъ и государственнымъ строемъ. И какъ

только это вполнѣ было понято, такъ выступило крестьянство съ требованіемъ земли и воли.

Значитъ противъ самодержавія выступила еще одна общественная сила: деревенское трудовое крестьянство.

Въ самое послѣднее время выступили противъ самодержавія и фабриканты съ заводчиками. Если прежде имъ хорошо жилось подъ властью самодержавія, то теперь они поняли, что они заживутъ еще лучше, если сами будутъ обладать государственной властью. Власть самодержавія постепенно превращалась для нихъ изъ союзника въ непріятеля. Разоренное крестьянство было плохимъ покупателемъ товаровъ; недовольные порядками рабочіе все чаще и чаще устраивали забастовки. Фабрики приходилось останавливать, нѣкоторыя даже позакрывать. Происходило большое разстройство въ промышленности, и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе. Было ясно видно, что самодержавіе не можетъ установить порядка въ странѣ, что времена на столько измѣнились, народъ настолько поумнѣлъ, что приходится измѣнять порядки въ корнѣ. Если же останутся старые порядки, то придется прекратить работу фабрикъ и заводовъ. Этого хозяевамъ хотѣлось менѣе всего, и вотъ раздались среди нихъ голоса, что для благополучія государства необходимо установить конституціонный образъ правленія, призвать къ участію въ государственныхъ дѣлахъ народныхъ представителей.

Такимъ образомъ, третья общественная сила, одна изъ самыхъ крупныхъ, фабриканты и заводчики стали противъ самодержавія.

Къ нимъ присоединились и крупнѣйшіе денежные

богачи—банкиры. Много милліоновъ ссудили они взаймы русскому правительству. Боятся банкиры, какъ бы русская смута не зашла слишкомъ далеко, какъ бы не погибло нынѣшнее правительство, какъ бы дѣло не кончилось распадомъ государства, какъ бы не пропали ихъ деньги. И стали все чаще напоминать банкиры, что правительству давно слѣдовало бы призвать къ управленію народныхъ представителей. Стали намекать, что безъ народнаго представительства они денегъ давать больше не будутъ.

Если четыре крупнѣйшія общественныя силы: рабочіе, крестьяне, промышленники и банкиры выступили противъ самодержанія, то объ интеллигенціи и говорить нечего: она всегда боролась противъ самодержавія, даже въ тѣ времена, когда весь русскій народъ спалъ еще непробуднымъ сномъ. Когда интеллигенція была одинока, она была слишкомъ слаба, теперь же, въ союзѣ съ рабочимъ народомъ, и она представляетъ порядочную силу, указывая темному люду, куда и какъ надо идти, чтобы добиться лучшихъ порядковъ.

Что же послѣ этого осталось у самодержавія? Только одинъ союзникъ у него и остался, и не только союзникъ, но и самый вѣрный его другъ. Это благородное россійское дворянство. Чѣмъ больше разрасталась смута, тѣмъ яснѣе видѣли дворяне, что для нихъ дѣло можетъ кончиться потерей всѣхъ земель. И что хуже всего, это то, что если народъ возьметъ верхъ, то не только придется разстаться съ землей, но даже и выкупа за нее можно не получить. Когда это поняли, то стали усиленно твердить, что дворянство

есть самое важное сословіе въ государствѣ, что оно— самая надежная опора престола, что оно желаетъ грудью постоять за самодержавіе. И начали дворяне союзы между собой устраивать, собранія созывать, писать книжки, въ которыхъ стараются втолковать простому народу, что старый порядокъ есть для Россіи самый лучшій, что только при самодержавіи Россія будетъ сильна и богата, народъ будетъ благоденствовать, а иноземные народы будутъ ее уважать и бояться. Но изъ этихъ стараній мало чего выходитъ полезнаго для дворянъ, и тотъ составъ общественныхъ силъ, который получился въ Россіи, неизбѣжно требуетъ крупныхъ измѣненій въ законахъ. Эти измѣненія въ законахъ и начались, какъ только общественныя силы громко потребовали этого. Особенно бойко пошли эти измѣненія съ начала 1905 года, когда открыто выступилъ въ походъ противъ стараго строя городской рабочій людъ и за нимъ деревенское крестьянство.

V.

9 января 1905 года рабочіе города Петербурга собрались вмѣстѣ и отправились ко дворцу, чтобы разсказать государю о своихъ нуждахъ и просить о введеніи въ Россіи народнаго представительства. Рабочіе шли мирно, съ иконами и царскимъ портретомъ, съ пѣніемъ „Спаси, Господи, люди Твоя“, и ничего дурного не помышляли и въ сердцѣ. Было приготовлено прошеніе, въ которомъ рабочіе излагали всѣ свои наиболѣе острыя нужды, нужды простого рабочаго

люда. „Мы идемъ къ тебѣ, государь, говорилось въ этомъ прошеніи, мы, всѣ рабочіе и жители Петербурга, съ нашими женами и дѣтьми, отцами и матерями, идемъ къ тебѣ просить правды и защиты. Насъ оскорбляютъ, обращаются съ нами не какъ съ людьми, но какъ съ рабами, которые должны молча терпѣть самую жестокую участь. Много ужъ мы терпѣли и со дня на день становится все глубже и глубже наше паденіе. У насъ нѣтъ правъ, намъ не даютъ образованія, насъ душатъ насиліемъ и несправедливостью. Мы пропадаемъ, мы безсильны" *).

Рабочихъ тогда приняли за бунтовщиковъ; ихъ встрѣтили ружейными залпами и сабельными ударами; на мѣстѣ осталось много убитыхъ и раненыхъ.

Послѣ того начались по всей странѣ забастовки и рабочія волненія, началась та великая, всероссійская смута, которая именуется русской революціей. Наступили времена, когда всякому было видно, что при старыхъ порядкахъ оставаться нельзя, и черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ 9 января появился манифестъ, въ которомъ возвѣщалось народу, что впредь къ участію въ дѣлахъ государственныхъ правительство будетъ призывать лучшихъ людей, довѣріемъ народа облеченныхъ. Долго пришлось ждать закона о народномъ представительствѣ; цѣлыхъ полгода сочиняли чиновники этотъ законъ; наконецъ, 6 августа вышло Положеніе о Государственной Думѣ. Какъ люди ни старались вчитываться въ этотъ новый законъ, а на-

*) Цитировано по „Образованію", янв. 1906 г.

стоящаго народнаго представительства здѣсь не нашли. Государственная Дума по положенію 6 августа была не народнымъ представительствомъ, а какимъ то посмѣшищемъ надъ нимъ. Прежде всего, это было учрежденіе не законодательное, какъ того добивались люди, а законосовѣщательное, т. е. такое, которое не имѣетъ никакой власти; министры могли слушать, что говоритъ Дума, могли и не слушать, смотря по тому, какъ имъ вздумается. Понятно, что такая Дума была ни къ чему. Къ тому же, и въ выборахъ могли участвовать не всѣ граждане, а только болѣе состоятельные; народъ же требовалъ всеобщаго избирательнаго права. Но самой хитроумной выдумкой чиновниковъ былъ тотъ способъ, какимъ граждане избирали депутатовъ. Была установлена четырехстепенная система выборовъ: крестьяне избираютъ волостныхъ сходчиковъ, сходчики (десятидворники) выбираютъ 2-хъ уполномоченныхъ на уѣздный съѣздъ, эти съѣзжаются въ уѣздномъ городѣ и выбираютъ выборщиковъ на губернскій съѣздъ, и только уже на губернскомъ съѣздѣ, просѣянные черезъ четыре сита, оказываются выбранными депутаты въ Думу. Такой законъ не могъ успокоить народа, всѣ видѣли, что Государственная Дума учреждена только для видимости, и волненія народныя продолжались. Они достигли высшаго своего предѣла въ октябрѣ, когда произошла всеобщая политическая забастовка, главнымъ и самымъ страшнымъ для правительства ядромъ которой была забастовка желѣзнодорожниковъ. Словно по волшебству какому остановились желѣзныя дороги по всей странѣ, отъ Петер-

бурга до Одессы и отъ Варшавы до Владивостока. Только недѣлю простояли фабрики безъ работы и желѣзныя дороги безъ движенія, какъ вышелъ новый манифестъ, знаменитый и памятный всему народу русскому, манифестъ 17 октября, которымъ было обѣщано, что съ этихъ поръ ни одинъ законъ не можетъ воспріять силы безъ одобренія Государственной Думы; составъ ея нѣсколько измѣнялся тѣмъ, что къ участію въ выборахъ было допущено болѣе гражданъ, чѣмъ по закону 6 августа. Кромѣ того, манифестъ возвѣщалъ новыя гражданскія права: свободу слова, собраній, союзовъ, дѣйствительную неприкосновенность личности и проч. Новый манифестъ былъ настолько необыкновеннымъ, что во многихъ захолустныхъ мѣстахъ ему долго не вѣрили, считая его за выдумку крамольниковъ, которые хотѣли развести на Руси какъ можно болѣе смуты. Манифестъ, однако же, былъ настоящій, и всѣ слова о свободахъ и правахъ были написаны четко и ясно, чернымъ по бѣлому. Оставалось только ждать, когда правительство приступитъ къ выполненію своихъ обѣщаній. Оно выполнило бы ихъ очень скоро, еслибы люди продержались еще нѣсколько дней, еслибы продолжали забастовку на самое короткое время. Но здѣсь пошли разногласія. Одни говорили, что забастовку слѣдуетъ продолжать, что въ манифестѣ пока только одни слова, другіе отказывались отъ забастовки, говоря, что ужъ если сказано въ манифестѣ, то можно ли не вѣрить?

И всеобщая политическая забастовка прекратилась.

Что же вышло изъ манифеста 17 октября? Исполнилось ли на дѣлѣ то, что было въ немъ обѣщано? Болѣе года прошло уже со времени его обнародованія, а никакихъ свободъ у русскихъ гражданъ нѣтъ, и отъ манифеста осталось только одно воспоминаніе. И все вышло такъ оттого, что послѣ 17 октября измѣнился составъ общественныхъ силъ. Пока не было манифеста 17 октября, до тѣхъ поръ противъ правительства была вся страна. Послѣ манифеста пошелъ расколъ въ народѣ и несогласія насчетъ дальнѣйшихъ дѣйствій, и правительство оправилось, собралось съ силами и заговорило совсѣмъ другія рѣчи. Какъ только измѣнились общественныя силы, такъ и законы стали появляться другіе. 26 февраля 1906 года появился еще манифестъ, въ которомъ говорилось, что, кромѣ Государственной Думы, будетъ существовать Государственный Совѣтъ и что никакой законъ, даже и принятый Думой, не можетъ получить силы безъ одобренія Государственнаго Совѣта. А Государственный Совѣтъ составленъ такъ, что въ немъ представителей простого народа и духу нѣтъ: все крестьянство, фабричные и заводскіе рабочіе, мастеровые, мѣщане и мелкіе торговцы, будь они хоть семи пядей на лбу, а въ Государственномъ Совѣтѣ голоса не имѣютъ, такъ какъ въ выборахъ въ этотъ Совѣтъ не участвуютъ. И такой Совѣтъ будетъ разсматривать каждый законъ, принятый въ Думѣ, и безъ его согласія Дума сдѣлать ничего не можетъ. Какъ видимъ, это уже совсѣмъ не то, что было сказано про Думу 17 октября.

Наконецъ передъ самымъ открытіемъ Государственной Думы были опубликованы такъ называемые Основные Законы. Дума собралась, какъ извѣстно, 27 апрѣля, а Основные Законы были объявлены 23-го. Въ этихъ законахъ самое главное то, что Государственная Дума не въ правѣ ихъ измѣнять. И даже больше того: она не можетъ даже просить объ ихъ измѣненіи. Вотъ какъ разошлись слова съ дѣломъ у нашего правительства: оно какъ будто совсѣмъ забыло, что 17 октября ясно и просто и для всякаго, даже неграмотнаго, человѣка понятно, было сказано, что никакой новый законъ послѣ 17 октября не можетъ получить силы безъ одобренія Государственной Думы. А тутъ не только что отдѣльный законъ, а цѣлый, какъ бы сказать, сводъ законовъ былъ объявленъ и получилъ силу безъ всякаго разсмотрѣнія Думы. Дума даже не могла ихъ касаться.

И такая разница въ словахъ и дѣлахъ, такое между ними расхожденіе произошло ни отъ чего другого, какъ отъ состава общественныхъ силъ и отъ ихъ взаимнаго дѣйствія другъ на друга, отъ того, насколько каждая изъ этихъ силъ велика, насколько согласно дѣйствуетъ. Словомъ, какъ сказалъ бы Лассаль, такое расхожденіе словъ съ дѣлами произошло отъ соотношенія общественныхъ силъ: до 17 октября было одно соотношеніе силъ, передъ созывомъ Думы—другое.

Законы 23 апрѣля называются основными, т. е. самыми главными, на которыхъ должны покоиться всѣ остальные законы. Такимъ образомъ, русскіе граждане получили 23 апрѣля писанную конституцію.

Что же это за законы, которые начальство захотѣло сдѣлать столь крѣпкими? Въ этихъ законахъ сказано, напр., что министры могутъ давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ Государственной Думѣ, но могутъ и не давать, смотря по тому, какъ захотятъ. Что Думу могутъ во всякое время распустить, помимо ея собственнаго желанія. Что безъ согласія Думы министры могутъ производить расходы и заключать займы. Насчетъ земли же сказано, что всякая частная собственность священна и неприкосновенна, т. е. что расчитывать на переходъ барскихъ земель къ народу—нечего. Мы не будемъ перечислять другихъ статей Основныхъ Законовъ 23 апрѣля. Всѣ они составлены въ одномъ и томъ же духѣ, и съ одной и той же цѣлью: какъ можно меньше власти дать Государственной Думѣ, и по возможности оставить всю полноту ея въ рукахъ министровъ. Министръ Столыпинъ самъ говорилъ въ Думѣ, что онъ имѣетъ въ своихъ рукахъ всю полноту власти.

Мы знаемъ, какъ работала первая Дума. Знаемъ, какъ тамъ встрѣчали и провожали министровъ, какъ величали ихъ погромщиками и палачами, какъ нѣкоторыхъ изъ нихъ гнали изъ Думы вонъ и требовали ихъ отставки.

Не смотря на это министры оставались у власти, на Думу не обращали вниманія, дѣла продолжали рѣшать по своему произволу и въ заключеніе разогнали Думу. Т. е. вышло такъ, что тотъ, кто гналъ, былъ въ концѣ концовъ самъ изгнанъ, а тѣ, кого хотѣли выгнать, остались на своихъ мѣстахъ: Дума была ра-

зогнана, а министры остались. Почему? Потому что на сторонѣ министровъ оказалась дѣйствительная сила, сила не на словахъ, а на дѣлѣ.

Значитъ ли это однако, что послѣ всѣхъ потрясеній, пережитыхъ русскимъ народомъ, такъ все у насъ и останется по прежнему: Основные Законы останутся въ силѣ, чиновники будутъ собирать и распускать Думу, какъ имъ понравится, народныя деньги расходовать безъ всякаго счета и вполнѣ самовольно, а земельныя богатства останутся въ прежнихъ рукахъ?

Обратимся за отвѣтомъ къ Лассалю.

Лассаль училъ, что только тѣ законы хороши и прочны, которые отвѣчаютъ составу общественныхъ силъ въ странѣ, т. е. писанная конституція должна быть въ согласіи съ дѣйствительной конституціей, которая есть не что иное, какъ соотношеніе общественныхъ силъ.

Слишкомъ хорошо узналъ русскій народъ свое правительство за послѣдніе 2—3 года; такъ хорошо, что теперь никакой вѣры ему не даетъ, и никакимъ правительственнымъ обѣщаніямъ и въ будущемъ не повѣритъ. Если же въ народѣ нѣтъ довѣрія къ своему правительству, то такое правительство долго держаться не можетъ. Это случалось тысячи разъ въ разныхъ странахъ, должно случиться и у насъ. И хотя у правительства осталось еще много силы, больше, чѣмъ у народа, но это только на время. Правительство было бы прочно только тогда, если бы прекратилась въ странѣ смута. А смута не прекратится до тѣхъ поръ,

пока на Руси не будетъ настоящаго, правильнаго народнаго представительства. Ибо, какъ мы уже видѣли, на Руси теперь совсѣмъ не тѣ времена, какія нужны для прочной власти самодержавія. Составъ общественныхъ силъ всетаки, не смотря ни на какія пораженія народа, остается такимъ, что самодержавный порядокъ долженъ быть навсегда отмѣненъ.

Дѣло только во времени. Нечего и говорить, что чѣмъ скорѣе утвердится въ Россіи новый государственный строй, тѣмъ для народа будетъ лучше. Что же остается дѣлать для того, чтобы эти новыя времена поскорѣе для насъ наступили? Только одно и нужно—это собирать, сплачивать воедино тѣ общественныя силы, которыя, какъ мы уже знаемъ измѣнились настолько, что ужиться съ самодержавіемъ не могутъ; силы уже есть, и если до сихъ поръ они не принесли народу истинной свободы, то только потому, что не были воедино собраны, сплочены и согласованы въ своихъ дѣйствіяхъ, или, какъ говорятъ по ученому — не организованы. Намъ будетъ теперь не трудно понять, если мы прочитаемъ гдѣ нибудь въ книжкѣ или въ газетѣ, что для завоеванія себѣ счастья народъ долженъ быть какъ можно лучше съорганизованъ.

Изъ того, чему училъ Лассаль, намъ нужно твердо запомнить самое главное: законы въ странѣ будутъ такіе, какихъ требуютъ существующія общественныя силы. Если граждане вздумаютъ уничтожить вредные для насъ законы и создать новые, полезные, то сначала они должны позаботиться о томъ, чтобы измѣ-

нить въ свою пользу соотношеніе общественн
силъ.

Только тѣ законы могутъ быть надежны и проч
которые имѣютъ подъ собой дѣйствительную, наст
щую силу.

Книгоиздательство „СОТРУДНИЧЕСТВО“.

Москва, Долгоруковская, 45, кв. 10. **Телеф. 201-97.**

Соціализація земли. Сборникъ статей. Вып. 1-й. Л. Шишко. Что такое соціализація земли. Л. Закъ. Соціализація земли и мѣстное самоуправленіе. С. Закъ. Соціализація земли и поземельная рента. П. Вихляевъ. Соціализація земли и прогрессъ сельскаго хозяйства. 80 коп.

И. Николаевъ. Что такое конституція? 10 коп.

Л. Закъ. Регулированіе заработной платы. 15 коп.

Х. Житловскій. Соціализмъ и свобода. 30 к.

В. Черновъ. Филосовскіе и соціологическіе этюды. 1 р. 40 к.

Л. Бертранъ. Исторія демократіи и соціализма въ Бельгіи. 1 р. 60 к.

Б. Баксъ и Г. Квелчъ. Соціалистическій катехизисъ.
Е. Лазаревъ. Аграрный катехизисъ . . . . . } 20 коп.

В. Дмитріева. Сарафановцы. 20 коп.

В. Муйжель. Аренда. 15 коп.

По Г. Ленотру. Драма въ Варенне. 25 коп.

С. Закъ. Соціализмъ и аграрный вопросъ. 30 коп.

В. Чернозъ. Пролетаріатъ и трудовое крестьянство. 20 коп.

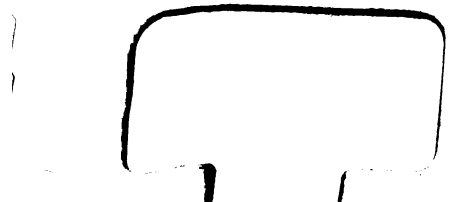
А. Будэ. Товарищеская рабочая артель. 5 коп.

Д. Гатти. Аграрный вопросъ и соціализмъ. 50 коп.

Печатаются.

Поль Луи. Исторія синдикализма во Франціи. Съ предисл. Виктора Чернова.

Соціализація земли. Сборникъ статей. Вып. 2-й.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ: Москва, Кн. маг. „Трудъ“.